

12/11/88

Рахманинов С.В.

Дом-Музей в Ивановке

СПОРТЛЕННАЯ ГАЗЕТА
Г. Москва

4 12 ноября 1988 г.
№ 261 (8728)

СГ

И МУЗЫКИ БЫЛ ПОЛОН САД...

Здесь все вдохновляло Рахманинова

*Я вышел. Но она догнала меня,
музыка великого маэстро.
И больше не отпустила.
Ни на единое мгновение.
Только что я слышал ее.
В который раз. И все же —
впервые.*

БЫЛ будний день. Без экскурсий, излишней суеты и шума. Было одиноко. И по-осеннему грустно. Маленький зал деревенского флигеля пустовал. Свечи заждались огня. Клавиатура рояля — чуткого прикосновения рук.

Он так любил эту грусть. И это одиночество. Возможно, потому, что в тишине пронзительнее и чище были звуки, рожденные шелестом трав, струнами ветвей.

Внешне суровый и аскетичный, наедине с собой он преображался. Не замечая ничего, брел по заветной аллее, выложенной красным кирпичом. Неизвестно — куда. Неизвестно — зачем. В такие минуты ни домашние, ни друзья не смели окликнуть его. Он творил. Опомнившись, стремительно удалялся в комнатку флигеля — свой рабочий кабинет. Единственное окно кабинета выходило в нижний сад. Оттуда вновь и вновь доносились звуки. Понятные лишь ему. Услышанные лишь им.

Здесь, на земле тамбовской, в неприемной деревеньке Ивановке прошли лучшие годы Сергея Васильевича Рахманинова. Почти тридцать лет подряд: весной, летом и в начале осени — он неизменно находился здесь. Здесь создавал лучшие произведения. И вернул их старому саду. Старому флигелю в саду.

Я знал: он никогда уже не коснется клавиш. И слабый огонь свечи никогда не отразит на стене его худощавый, склоненный над пианино профиль.

К роялю подошел не он. И не его пальцы невесомо взметнулись вверх. Пианист не был мне знаком. Но музыка была его, Рахманинова. Душный зал наполнили свежесть, перемены колоколов, едва уловимое дыхание лугового ветра. Затем звуки стали тревожнее и задумчивее. Они усиливались. Они металась в четырех стенах. Пытались вырваться наружу, к подступившим вплотную деревьям. Им было тесно...

Я вышел. Бледное солнце спруилось на побледневшие кроны. По-прежнему было тихо. А мне все чудилось, будто сад полон музыки.

БЕЗУМИЕ: в считанные часы я пытался прожить десятилетия. Которые прожил в имении родственников Рахманинов.

Каким был он в минуты уединения, когда заставлял, например, над томиками Лермонтова, Гейне, Фета? Не они ли помогли ему услышать сад? Не в этой ли резной беседе его, неизлечимого романтика, озадачила режущая слух мелодия революции? И не эта ли проселочная дорога навсегда разлучила с флигелем, Ивановкой, Россией?

Он так тосковал по ним вдаль. Так мечтал хоть однажды припасть к родной земле. Не сбылось. Не случилось.

Как не хватало ему на чужбине этого неброского захоlustья. За тысячи миль туда не доносилась пьянящая свежесть деревенского утра. Запах лугов. Переливы колоколов. Он задыхался без них. Угасал. И вместе с ним медленно и неотвратимо угасали еще не рожденные песни.

Лишь иногда во сне мерещился долгий осенний вечер. Кабинет с видом на нижний сад. Керосиновая лампа. Портрет матери на столе... Он просыпался. Накрепко сдвигал ладонями лицо. И мысленно беседовал с портретом. О чем? Ни биографы, ни современники его не в состоянии дать ответ. Ответ дала музыка. Ее настроение. Ей, одной ей доверял он самое сокровенное.

Я бродил по его аллеям. Его тропкам. Останавливался у его прудов. Безмолвных, как и экспонаты флигеля. Эта земля сделала его великим. И стала известной благодаря ему. Святой долг был сберечь ее.

Я ЗАБЫЛ обо всем. Однако он не удивился этому:

— Воспринимать Рахманинова в Ивановке по-иному невозможно.

Бывший учитель местной школы, ныне директор музея, Александр Ермаков давно и трепетно был предан этому человеку. Всему, что связано с ним.

— Спусти несколько лет после эмиграции, — рассказывал он, — антоновская банда Трифона Чебреца, вырезав местную коммуно, стерла деревню с лица земли. В руины превратились белый дом, где часто играл Сергей Васильевич, флигель, людская... Одичали сад, аллея, пруды.

Печально, но об имении как памятнике национальной культуры вспомнили лишь через полвека после отъезда Рахманинова. К тому времени исчезли последние строения. Начинать, в сущности, пришлось с нуля. Не было элементарного — чертежей. Старожилы, помнивших имение.

В поиск отправились ходоки. Село за селом, двор за двором обходили они окрестности. В радиусе ста километров. И вот он, первый успех: найдено зеркало из флигеля. Затем — часть книг, сундучок, рояль друзей, у которых бывал Рахманинов. И редкая удача — пенсионер Иван Давыдович Купряков служил в имении садовником. Он многое помнил...

Музей начинался с энтузиазма. С маленькой комнаты, принявшей посетителей двадцать лет назад.

Описания и схемы, присланные дворянской сестрой композитора С. Сатиной, появились потом. И потом московский архитектор В. Белоусов дал вторую жизнь флигелю. Появилась возможность переселить экспонаты. В четырех стенах, как и музыке, им было уже тесно. Их поступало все больше и больше. Центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки прислал фотографии, авторы трудов о Рахманинове — свои произведения и архивы, художники — полотна, жители — старинные предметы домашнего обихода. Постепенно все преображалось. Районный лесхоз решил расчистить сад и выделить саженцы. Трест Тамбовводстрой — заняться прудами. Материальную помощь оказал ивановский колхоз имени Карла Маркса. А это кое-что, да значило.

По мере пополнения имение переименовывают в филиал областного краеведческого музея, Дом-музей и, наконец, в нынешнем году — в Дом-усадьбу Сергея Васильевича Рахманинова.

— И все же реставрация далека от завершения, — считает Ермаков.

Мы идем осенним садом. Последние листья неторопливо приземляются на тропинку. На нас.

— Знаете, о чем мечтаю я? — останавливается Ермаков. — Что мы войдем с вами не только во флигель. Но и в белый дом. Людскую. Конюшню. Проедем на старом экипаже по проселкам... Хочется, чтобы все, исключительно все, было, как при Сергее Васильевиче. Сложно? Конечно. Но мы располагаем теперь схемами, фотографиями, свидетельствами очевидцев. И, что немаловажно, — средствами. Дело за молодыми талантливыми архитекторами, ландшафтниками, специалистами других профилей.

Он был романтиком. Рыцарем музыки. Мечтал, чтобы ее услышал здесь каждый. И свято верил, что так и будет.

Г. КИКСМАН.
(Наш спец. корр.)

ТАМБОВСКАЯ обл.